

ственное значение, ибо права нового владельца на землю реализовывались в подавляющем большинстве случаев через личный труд приобретателя.

Структура крестьянского акта развивалась под влиянием условий крестьянского хозяйства. Крестьянские юристы придерживались в целом формуляра акта, но под влиянием многообразных хозяйственных отношений, в которые вступали стороны при каждой сделке, они вносили в акт новые элементы, изменяли соотношение их в тексте. Отсюда некоторая мозаичность крестьянского акта, обусловившая богатство его как исторического источника.

Единая социальная среда возникновения обусловила не только фактическую и юридическую взаимосвязь актов разных разрядов, но и прямое влияние их формуляров.

Юридические сделки крестьян совершались в условиях устойчивых традиций и форм общественной жизни черносочинного крестьянства — общины и самоуправления.

И. А. КАЗАКОВА

НАЧАЛЬНЫЙ ТЕКСТ НОВГОРОДСКО-НЕМЕЦКИХ ДОГОВОРОВ XII—XV ВВ.

Дипломатика международных договоров Руси до сих пор остается мало разработанной. А между тем она чрезвычайно важна не только как составная часть дипломатики древнерусских актов, но и как средство более полного освещения различных сторон исторического процесса. Особенно благодарный материал в этом отношении дают новгородско-немецкие договоры (договоры Новгорода с немецкими городами и с Ливонским орденом). Они тянутся цепью с конца XII и до 60-х годов XV в. (мы имеем в виду лишь договоры периода новгородской самостоятельности) и благодаря этому позволяют наглядно проследить изменение формуляра статей и зависимость его от эволюции социально-политического строя Новгорода и перипетий его внешнеполитической истории.

Обязательной составной частью формуляра начального текста новгородско-немецких договоров является перечень высших должностных лиц, социальных слоев и политических институтов Новгорода, волею которых определялось заключение договора. Этот перечень в различные периоды истории Новгорода был различным. В настоящей статье предлагается опыт установления эволюции перечня и выявления причин, ее обусловивших.

Перечни должностных лиц, социальных слоев и политических институтов Новгорода, от имени которых заключались договоры, можно разбить на три типа. Первый тип встречается в новгородско-немецких договорах конца XII—начала XIV в. Наиболее

ранний образец этого типа читается в первом сохранившемся договоре Новгорода с немцами — договоре 1189—1199 гг. с Готландом и немецкими городами. Договор начинается со следующей клаузулы: «Се язъ князь Ярославъ Володимѣричь, сгадавъ с посадникомъ с Мирошкою, и с тысяцкимъ Яковомъ, и съ всѣми новгородъци, подтвердикомъ мира старого с посломъ Арбудомъ, и съ всѣми пѣмьцкими сыны, и съ гты, и съ всею латиньскимъ языкомъ».¹ С новгородской стороны в этой клаузуле названы князь Ярослав Владимирович, в 1182—1199 гг. трижды княживший в Новгороде, посадник Мирошка, основатель знаменитой посадничей династии Мирошкинчей, тысяцкий Яков и «все новгородци»; «все новгородци» — это, очевидно, новгородское вече. Таким образом, начальный текст договора 1189—1199 гг. содержит следующий перечень правящих лиц и политических институтов Новгорода: князь, посадник, тысяцкий, вече. Этот перечень входит в состав формулы: «Се язъ князь... сгадавъ... с посадником... и с тысяцким... и с всеми новгородци, подтвердикомъ мира...».

Такая же формула в соединении с тем же самым перечнем должностных лиц и политических институтов Новгорода имеет место в начальной клаузуле договора Новгорода с Готландом, Любеком и немецкими городами 1262—1263 гг. и проекте договора Новгорода с Любеком и Готландом 1269 г. (в договоре 1262—1263 гг. опущено дееспричастие «сгадавъ»; в проекте договора 1269 г. в перечень добавлено упоминание «старост», очевидно купеческих, и вместо «язъ, князь... подтвердикомъ мира» читается «я, князь... подтвердил мир»)² Новгородско-немецкие договоры конца XIII—начала XIV в. нам неизвестны. Но о том, что интересующая нас формула бытовала во внешнеполитических договорах Новгорода вплоть до 20-х годов XIV в., свидетельствует текст договора Новгорода со Швецией 1323 г. (Ореховецкого договора), начинающийся словами: «Се язъ князь великий Юрги с посадникомъ Алфоромѣемъ и с тысяцкимъ Аврамомъ съ всѣмъ Новымъ городомъ докончали есмь съ братомъ своимъ с княземъ свенскимъ с Мапушемъ Ориковичемъ».³

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова (далее — ГВНП). М.—Л., 1949, № 28, с. 55.

² Там же, № 29, с. 56—57; № 31, с. 58. — В проекте договора 1269 г. третье лицо единственного числа «подтвердил» вместо первого лица множественного числа «подтвердикомъ», читающегося в договорах 1189—1199 и 1262—1263 гг., появилось, возможно, благодаря тому, что сохранившийся текст проекта договора 1269 г. представляет собой перевод с русского на немецкий.

³ ГВНП, № 38, стр. 67. — Из документов, касающихся новгородско-немецких отношений конца XII—начала XIV в., издателями ГВНП отнесены к договорам также документы № 32 («Договорная грамота Новгорода с Ригою и Любеком о предоставлении немецким купцам сухопутных и водного путей», 1269 г.), № 34 («Договорная грамота Новгорода с Любеком, Готским берегом и Ригою о предоставлении немецким купцам сухопутных и водного путей», 1301 г.), № 37 («Договорная грамота Нов-

Второй тип перечня должностных лиц, социальных слоев и политических институтов Новгорода имеет место в новгородско-немецких договорах последующего столетия — со второй четверти XIV и до начала XV в. включительно. Этот тип представлен двумя вариантами: первый вариант (назовем его вариантом А) читается в торговых договорах Новгорода с немецкими городами, второй вариант (обозначим его как вариант Б) — в договорах Новгорода с Ливонским орденом.

Вариант А в первый раз встречается в договорной грамоте Новгорода с Ригой, Готландом и немецкими городами 1342 г. Начальная статья этого договора гласит: «Так докопчали владыка новгородский, и наместник великого князя Федор, и тысяцкий Остафий, и староста купеческий Сидор, и все купцы новгородские, а также все новгородцы с немецкими детьми (далее следует перечисление немецких послов, — *Н. К.*)... и со всеми немецкими купцами...».⁴ Статья эта представляет собой клаузулу, включаю-

---

города с Ливонским орденом о союзе», 1323 г.). С нашей точки зрения, названные документы не являются договорами. Документы № 32 и 34 представляют собой односторонние акты, выданные от имени новгородских властей немецким купцам на право проезда через Новгородскую землю по определенным путям; по своему содержанию и формуляру они относятся к привилегиям. Иной характер имеет документ № 37. В нем действительно речь идет о новгородско-ливонском договоре 1323 г. и передаются его условия. И тем не менее текст этого документа не является текстом договора. Не имея возможности разобрать формуляр документа № 37 полностью, приведем лишь его начальные формулы: «Всех тех, кто эту грамоту видят и слышат, комтур вейденский, господин Реймар Гане, и комтур дюнамюндский, господин Гинрих Гольтзете, господин Отто Брамгорн, господин Вольдемар фан Дале, господин Гинрих фан Паренбеке, господин Гельмольт фан Заген припетствуют пожеланием благополучия в господе нашим Исусе Христе. Мы объявляем, что мы были от всего христианства в посольстве в Новгороде и что мы с владыкой Давыдом, и с посадником Олфромеем, и с тысяцким Аврамом, и со всеми новгородцами, и со всеми их подданными заключили вечный союз, которому быть навеки...» (далее следует изложение условий договора). Из приведенного отрывка явствует, что документ был составлен послами магистра после их возвращения из посольства в Новгород с целью «объявления» о заключенном договоре. Таким образом, перед нами не текст договора, а «объявление» или же свидетельство орденских послов о нем. В пользу нашего определения характера документа говорит и то обстоятельство, что читающиеся в документе начальные формулы не встречаются больше ни в одном новгородско-немецком договоре. Поскольку документы № 32, 34 и 37 не являются договорами, постольку начальные формулы их, включающие перечни новгородских должностных лиц, мы рассматривать не будем.

⁴ ГВНП, № 41, с. 73. — Формуляр документа № 40, отнесенного составителями ГВНП к договорам («1338 г. мая 17. — Договор Новгорода с немецкими купцами о спорных делах»), мы анализировать не будем, так как, с нашей точки зрения, текст этого документа представляет собой не договор, а свидетельство рыцарей и фогта дерптского епископа о заключенном в их присутствии послами Новгорода, с одной стороны, и Любека и Готланда — с другой, договоре между Новгородом и немецким купечеством. Л. К. Гетц определяет документ как протокол о заключении

щую указание на контрагентов договора и констатацию факта его заключения.

Начальный текст проекта договорной грамоты Новгорода с Любеком, Готландом и заморским купечеством 1371 г. и договора Новгорода с пемецким купечеством 1372 г. имеет несколько иное построение: договорные грамоты начинаются с протокола, содержащего перечень контрагентов договора со стороны Новгорода; о факте заключения договора, так же как и об его условиях, сообщается в последующих статьях. Вот как выглядит, например, первая формула начального протокола в договорной грамоте 1372 г.: «От архиепископа новгородского Алексея, от великого князя наместника Александра, от посадника Михаила, от тысяцкого Матвея, от старост купеческих Якима и Федора, от всех купцов и от всего Новгорода».⁵ Различия в начальном тексте договора 1342 г. и договоров 1371 и 1372 гг. объясняются, быть может, тем обстоятельством, что договор 1342 г. дошел до нас в составе скры — устава немецкого двора в Новгороде⁶ — и при переписке текст его мог быть изменен.

Но если отвлечься от указанных различий в тексте и возвратиться к интересующему нас вопросу о перечне должностных лиц, социальных слоев и политических институтов Новгорода, волей которых определялось заключение договора, то мы должны будем констатировать, что перечень этот во всех трех договорах одинаков. В его состав входят архиепископ, наместник великого князя, посадник, тысяцкий, старосты купеческие, все купцы, вече («все новгородцы» или же «весь Новгород», по терминологии договоров).

Начальный текст договора Новгорода с ганзейскими городами 1392 г. и договора Новгорода с ливонскими городами 1409 г. отличается от только что рассмотренного нами начального текста договоров середины XIV в.

Договор 1392 г. — знаменитый в истории новгородско-ганзейских отношений Нибуров мир — начинается с текста протокола, гласящего: «Се приѣха (перечисляются немецкие послы, — *Н. К.*) к посаднику Тимофѣю Юрьевичю и тысяцкому Микитѣ Федоровичю, ко всему Великому Новгороду».⁷ Формула, входящая в состав протокола, «се приеха (перечень немецких послов) к (перечень должностных лиц, социальных слоев и политических институтов Новгорода)», начиная с Нибурова мира становится характерной для начального текста новгородско-немецких договоров. Особенностью начального текста Нибурова мира является

договора, скрепленный печатями фогта дерптского епископа и рыцарей (L. K. G o e t z. *Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters*. Hamburg, 1910, S. 175).

⁵ ГВНП, № 43, с. 76.

⁶ Там же, № 41, легенда.

⁷ Там же, № 46, с. 81.

краткость перечня должностных лиц, социальных слоев и политических институтов Новгорода: в перечне названы лишь посадник, тысяцкий и вече. Перечень этот вследствие каких-то причин имеет сокращенный вид и в силу этого выпадает из всех существующих типов.

В договоре Новгорода с ливонскими городами 1409 г., который начинается с аналогичной формулы начального протокола, сообщающей о приезде немецких послов в Новгород, интересующий нас перечень более полный: в нем фигурирует посадник, тысяцкий, старосты купеческие, все купцы, вече («весь Новгород»);⁸ но сравнению с договорами 1342, 1371 и 1372 гг. не названы лишь архиепископ и наместник великого князя. Отсутствие упоминания архиепископа в договоре 1409 г. является исключением (обусловленным неизвестными нам обстоятельствами), так как во всех остальных торговых договорах с немцами, начиная с договора 1342 г. и до падения новгородской самостоятельности, архиепископ фигурирует обязательно. Что касается исчезновения упоминания наместника великого князя, то это исчезновение, как мы будем говорить дальше, было закономерно.

Несмотря на отсутствие упоминания наместника великого князя в договоре 1409 г. и на закономерность, с нашей точки зрения, этого явления, мы относим перечень должностных лиц, социальных слоев и политических институтов Новгорода, имеющийся в начальном тексте договора, к тому же варианту, что и перечни договоров 1342, 1371 и 1372 гг., так как характерными признаками этого варианта (вариант А второго типа) считаем: 1) отсутствие упоминания князя, 2) упоминание наряду с посадником и тысяцким архиепископа, 3) упоминание старост и всех купцов, 4) упоминание новгородского веча.

Вариант Б второго типа интересующего нас перечня имеет место, как отмечено выше, в договорах Новгорода с Ливонским орденом. Этот вариант представлен двумя грамотами: проектом договора Новгорода с Орденом 1420 г. и договором Новгорода с Орденом 1421 г. Проект договора 1420 г. начинается со следующей формулы начального протокола: «От великого князя Константина Дмитриевича, от посадника новгородского [Василия] Пилкитича, от тысяцкого новгородского Кузьмы Терещтьевича, от всех больших в Новгороде»;⁹ о факте заключения договора и его условиях сообщается в статьях, следующих за начальным протоколом. Договор 1421 г. начинается с другой формулы начального протокола, извещающей о приезде в Новгород немецких послов: «Се приѣхаша пословѣ (перечисляются немецкие послы, — Н. К.) в Великии Новѣгородѣ князю Костянтину Дмитриевичю, и ко архѣепископу новгородскому владычѣ Се-

⁸ Там же, № 49, с. 87.

⁹ Там же, № 59, с. 97.

мсону, к посаднику, и к тысячкому, и ко всему Великому Новгороду». ¹⁰

Сравним перечни должностных лиц и политических институтов Новгорода, имеющиеся в начальном тексте обеих грамот. Оба перечня начинаются с упоминания князя Константина Дмитриевича, который в одном случае назван великим князем, а в другом — просто князем. Константин Дмитриевич — это брат великого князя Василия Дмитриевича, приехавший в Новгород в 1419 г.; новгородцы приехали его «в честь», дали ему пригороды и право сбора бора и коробейщины. ¹¹ За князем в договорной грамоте 1421 г. назван архиепископ, который в проекте договора 1420 г. не назван (думается, что последнее не было типичным для формуляра новгородско-ливонских договоров, так как упоминание архиепископа в новгородско-немецких договорах являлось, как мы уже отмечали, начиная с середины XIV в. обязательным ¹²). Далее, в обоих перечнях следуют посадник и тысяцкий. Завершается перечень в проекте договора 1420 г. упоминанием «всех больших в Новгороде», в договоре 1421 г. — «всего Новгорода»; термин «все большие в Новгороде» возник, возможно, в немецком тексте проекта договора 1420 г. ¹³ (ни в одном другом договоре он не встречается) вместо обычного в договорах термина «все новгородцы» или «весь Новгород».

Если, учитывая все замечания, составить общий для обеих грамот перечень должностных лиц и политических институтов Новгорода, то он будет выглядеть следующим образом: князь, архиепископ, посадник, тысяцкий, вече. Однако мы полагаем, что для варианта Б второго типа интересующего нас перечня (этот вариант представлен договорными грамотами с Орденом 1420 и 1421 гг.) упоминание князя не было типичным и наличие указанного упоминания в рассматриваемых грамотах объясняется лишь политической ситуацией — пребыванием в Новгороде брата великого князя.

Таким образом, для варианта Б второго типа перечня должностных лиц и политических институтов Новгорода, читающегося в новгородско-ливонских договорах, характерен ряд: архиепископ, посадник, тысяцкий, вече. Этот же ряд с добавлением упоминания старост купеческих и купцов встречается, как мы уже отметили, и в торговых договорах Новгорода с немцами второй четверти XIV—начала XV в. Поэтому перечни должностных лиц, социальных слоев и политических институтов Новгорода, имею-

¹⁰ Там же, № 60, с. 99.

¹¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 412.

¹² Исключения составляли, помимо проекта договора с Орденом 1420 г., упомянутые нами выше торговые договоры с ганзейскими городами 1392 г. и с ливонскими городами 1409 г.

¹³ Проект договора 1420 г. сохранился в немецком переводе (ГВНП, № 59, легенда).

щиеся и в торговых договорах Новгорода с немцами, и в договорах его с Орденом второй четверти XIV—начала XV в., мы относим к одному, второму, типу, устанавливая в то же время наличие в нем двух вариантов.

Третий тип перечня должностных лиц, социальных слоев и политических институтов Новгорода читается в договорах конца первой четверти—середины XV в. Он также подразделяется на вариант А, встречающийся в торговых договорах с ганзейскими городами, и вариант Б, имеющийся в договорах с Ливонским орденом.

Вариант А третьего типа рассматриваемого перечня впервые встречается в договоре Новгорода с ганзейскими городами 1423 г. Начальный протокол текста этого договора гласит: «Сюда приехали немецкие послы (перечисляются немецкие послы, — *Н. К.*) к нареченному владыке Феодосию, к посаднику новгородскому Василию Шикитичу, к старым посадникам новгородским, к тысяцкому новгородскому Авраму Степановичу и к старым тысяцким, к боярам и детям купеческим и ко всему Великому Новгороду».¹⁴ Перечень должностных лиц, социальных слоев и политических институтов Новгорода, читающийся в приведенном тексте, повторяется и в последующих договорах Новгорода с ганзейскими городами — в договорах 1434, 1436, 1450 и 1466 гг.¹⁵ Незначительные различия между ними касаются упоминаний старых посадников и тысяцких, с одной стороны, и купечества — с другой.

В договоре Новгорода с ганзейскими городами 1450 г. вместо «старых посадников» и «старых тысяцких» названы «все посадники» и «все тысяцкие».¹⁶ Думается, что термины «старые посадники» и «все посадники» в данном случае равнозначны, так же как равнозначны термины «старые тысяцкие» и «все тысяцкие». В пользу этого предположения говорит то обстоятельство, что в договорах 1423, 1434, 1436, 1466 гг. отдельно от «старых посадников» и «старых тысяцких» перед ними названы просто посадник и просто тысяцкий (очевидно, степенные), в договоре 1450 г. просто посадник и просто тысяцкий также названы отдельно, впереди «всех посадников» и «всех тысяцких». Очевидно, что обычные для новгородско-немецких договоров термины «старые посадники» и «старые тысяцкие» в данном случае заменены терминами «все посадники» и «все тысяцкие».

При упоминании купечества в рассматриваемых договорах имели место замена терминов, а также увеличение количества

¹⁴ ГВНП, № 62, с. 103.

¹⁵ Там же, № 64, 67, 74, 76. — Договорную грамоту 1439 г. (ГВНП, № 68) мы не рассматриваем, так как она представляла собой соглашение Новгорода только с немецким купечеством в Новгороде по частному вопросу, чем, вероятно, определялись имеющиеся в ней отличия в формулировке и перечне контрагентов со стороны Новгорода (названы лишь посадник, тысяцкий и «весь господин Великий Новгород»).

¹⁶ ГВНП, № 74, с. 124—125.

называемых слоев купечества. Термин «купеческие дети», читающийся в договоре 1423 г., заменен в договоре 1434 г. термином «кушцы». К «купеческим детям» добавлены в договоре 1436 г. «купеческие старосты», а в договорах 1450 и 1466 гг. — «купеческие старосты» и «кушцы новгородские».¹⁷ Эти изменения принципиального характера не имели.

Учитывая все отмеченные различия, вариант А третьего типа интересующего нас перечня можно представить в следующем виде: архиепископ, посадник, старые посадники, тысяцкий, старые тысяцкие, бояре, старосты купеческие, дети купеческие или купцы, вече («весь Новгород»).

Вариант Б третьего типа перечня должностных лиц, социальных слоев и политических институтов Новгорода представлен договором с Орденом о пятилетнем перемирии от 27 февраля 1448 г. Начальный протокол договора гласит: «Се приѣхаша послы и ѿмечкыи въ Великии Новгородъ (указывается, от кого послы, — *Н. К.*) к осподину преосвященному архиепископу Великого Новгорода владыке Еуфимью, и князю новгородскому Александру Васильевичю, и к посаднику новгородскому Есифу Григорьевичю, и къ старымъ посадникомъ, и к тысяцкому новгородскому Карий Савиничю, и къ старымъ тысяцкымъ, и ко всему Великому Новгороду...».¹⁸ В приведенном тексте палитца следующей ряд: архиепископ, князь, посадник, старые посадники, тысяцкий, старые тысяцкие, весь Новгород.

Этот ряд отличается от ряда, характерного для варианта А, включением в его состав князя и отсутствием упоминания бояр, а также старост купеческих и кушцов, которые в договорах Новгорода с Орденом никогда не фигурируют. Бояре не названы, очевидно, потому, что их упоминание в межгосударственных договорах Новгорода этого периода не было характерно: во всяком случае в договоре Новгорода с великим князем литовским 1440—1447 гг. они также не указаны.¹⁹ Что касается упоминания князя, то оно нетипично для межгосударственных договоров Новгорода рассматриваемого периода. В пользу этого предположения говорит то обстоятельство, что в других межгосударственных договорах Новгорода рассматриваемого времени — договорах с Литвой — князь не фигурирует. Упоминание князя в договоре Новгорода с Орденом 1448 г. о пятилетнем перемирии было обусловлено, очевидно, политической ситуацией. Литовский князь, Александр Васильевич Чарторыйский, названный в договоре, был

¹⁷ Там же, № 67, с. 110; № 74, с. 152; № 76, с. 127—128.

¹⁸ Там же, № 72, с. 118. — Договор Новгорода и Пскова с Орденом о мире от 25 июля 1448 г. (ГВНП, № 73) мы рассматривать не будем, так как формуляр его начального текста выпадает из всех типов, встречающихся в новгородско-пемезских договорах. Это объясняется, очевидно, двумя обстоятельствами: 1) участием в договоре Пскова, 2) заключением его не в Новгороде, как это имело место обычно, а на р. Нарове

¹⁹ ГВНП, № 73.

приглашен в Новгород в 1447 г. в качестве служилого князя. Он сыграл большую роль в войне между Новгородом и Орденом, предшествовавшей заключению договора, и под его руководством новгородцы нанесли немцам серьезное поражение.²⁰ Как руководитель военных сил Новгорода в только что закончившейся войне он участвовал, вероятно, в заключении договора Ордена с Новгородом о перемирии.

Сопоставление перечней должностных лиц, социальных слоев и политических институтов Новгорода, имеющих в торговых договорах Новгорода с немцами, с одной стороны, и в договорах его с Орденом — с другой, в период с конца первой четверти и до 60-х годов XV в. показывает, что эти перечни (если отвлечься от упоминания князя в договорах с Орденом и от упоминания бояр и купечества в торговых договорах) по своим основным компонентам — архиепископ, посадник, старые посадники, тысяцкий, старые тысяцкие, вече — совпадают. Поэтому интересующие нас перечни, читающиеся в договорах Новгорода с немецкими городами и Орденом конца первой четверти—середины XV в., мы относим к одному, третьему, типу, выделяя в нем два варианта.²¹

²⁰ О войне Новгорода с Орденом 1443—1448 гг. см.: Н. А. Казакова. Борьба Руси с агрессией Ливонского ордена в первой половине XV века. Мч. зап. ЛГУ, серия истор. наук, 1959, вып. 32, № 270, с. 21—32.

²¹ Начальный текст последнего договора Новгорода с немцами периода его самостоятельности — договора Новгорода и Пскова с Дерптским епископством 1474 г. мы анализировать не будем, так как он выпадает из изучаемого нами ряда договоров: 1) он был заключен не одним Новгородом, а Новгородом совместно с Псковом, 2) контрагентом Новгорода и Пскова являлся не Ливонский орден и не ганзейские города, а Дерптское епископство, 3) заключен договор был не в Новгороде, а в Пскове. Не разбирая в силу указанных обстоятельств начальных статей договора, приведем лишь его преамбулу, показательную для выдвинутого нами тезиса о связи формуляра начальных статей новгородско-немецких договоров с изменением политического строя и политического положения Новгорода. Текст преамбулы следующий: «Милостью божьею, стоянием святых Софии, премудрости божьи, и стоянием святых живовначальных Троица, и здоровьем господина нашего и государя нашего великого князя Ивана Васильевича, цара всея Руси, и здоровьем господина нашего и государя нашего великого князя Ивана Ивановича, цара всея Руси» (ГВП, № 78, с. 133). Текст преамбулы как нельзя лучше отражает политическое положение обеих русских вечевых республик в середине 70-х годов XV в. И Новгород, и Псков еще не вошли в состав Великого княжества Московского и сохраняли свою самостоятельность; это обстоятельство подчеркивается указанием на то, что договор был заключен «стоянием святой Софии» (покровительницы Новгорода) и «стоянием святой Троицы» (покровительницы Пскова). Но, сохраняя свою самостоятельность, Новгород и Псков находились уже под сильным влиянием Москвы: Новгород — после поражения на р. Шелони и заключения Коростанского мира 1471 г., Псков — в силу постоянной угрозы со стороны Ливонии и помощи, получаемой для борьбы с нею со стороны Москвы. Политическое влияние Москвы и фактическая зависимость от нее вечевых республик нашли свое выражение в начальной формуле договора — «милостью божьей», — характерной для документов, вышедших из великокняжеской канцелярии, а также в указании на то, что договор был заключен «здоровьем» великого князя и его наследника.

Установленная нами эволюция перечня должностных лиц, социальных слоев и политических институтов Новгорода, входящего в состав начального текста новгородско-немецких договоров, зависела, как мы постараемся показать ниже, от изменения политического строя Новгорода и отражала благодаря этому специфические черты Новгородской республики в различные исторические периоды.

По вопросу о происхождении Новгородской республики и формировании ее институтов в советской исторической науке вплоть до недавнего времени была распространена концепция Б. Д. Грекова, согласно которой республиканский строй был установлен в Новгороде в результате происшедшего в 1136 г. восстания новгородцев против князя Всеволода Мстиславича. Итогом этого восстания явилась потеря князем его позиций и превращение Новгорода в республику. Б. Д. Греков в соответствии со своей концепцией становления в Новгороде республики в результате единовременного социального взрыва, следуя распространенной в нашей историографии в 20-е годы терминологии, статью, в которой эта концепция была изложена, назвал «Революция в Новгороде Великом в XII в.».²²

В последние годы концепция Б. Д. Грекова была подвергнута критике В. Л. Яниным в ряде его работ.²³ Разбирая, в частности, характеристику политического строя Новгорода XII—XIII вв., данную в «Очерках истории СССР» (в основе ее лежит концепция Б. Д. Грекова),²⁴ В. Л. Янин отмечает, что в свете этой характеристики «роль князя в государственном управлении представляется мизерной, а успехи республики настолько последовательными и решительными, что, оценивая в дальнейшем новгородскую государственность XIV—XV вв., авторы „Очерков“ не смогли сказать ничего существенного о результатах ее развития за двести лет, отделяющих середину XII в. от середины XIV в.».²⁵

Распространенной точкой зрения, основанной на представлении о рождении в середине XII в. республиканских институтов в готовом виде и о последующей статичности (по существу) новгородского политического строя,²⁶ В. Л. Янин противопоставляет свой взгляд на историю Новгорода, согласно которому сложение

²² Б. Д. Греков. Революция в Новгороде Великом в XII в. Уч. зап. Института истории Российской ассоц. научн.-исслед. ин-тов общ. наук, М., 1929, т. IV.

²³ В. Л. Янин. 1) Новгородские посадники. М., 1962; 2) Проблемы социальной организации Новгородской республики. История СССР, 1970, № 1, с. 44—54; В. Л. Янин, М. Х. Алешковский. Происхождение Новгорода. (К постановке проблемы). История СССР, 1971, № 2, с. 32—61.

²⁴ Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв. Ч. I. М., 1953, с. 350 и след.

²⁵ В. Л. Янин. Новгородские посадники, с. 110—111; ср.: Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв. Ч. II. М., 1953, с. 177—179.

²⁶ Единственный признак эволюции республиканского строя Новгорода, отмеченный в «Очерках истории СССР» для XIV—XV вв. — это

республиканских институтов в нем началось ранее 1136 г., а окончательное их формирование произошло долгое время спустя после восстания 1136 г.²⁷ В основе концепции В. Л. Янина лежит, таким образом, мысль об эволюционном и динамичном развитии Новгородской республики.

В работах В. Л. Янина привлекается очень широкий круг источников: летописи, документальные материалы, данные сфрагистики и археологии. Однако повгородско-немецкие договоры, в частности входящие в их состав перечни должностных лиц, социальных слоев и политических институтов Новгорода, В. Л. Янин почти не использовал (он использовал их лишь для уточнения состава новгородских посадников). Что же дают интересующие нас перечни для изучения политического строя Новгорода?

Чтобы ответ на этот вопрос был более наглядным, представим перечни должностных лиц, социальных слоев и политических институтов Новгорода, входящие в состав начального текста новгородско-немецких договоров, в виде таблицы (в обыкновенные скобки нами взяты упоминания тех должностных лиц, которые сначала имеются, а потом исчезают, в прямые скобки — упоминания лиц, которые хотя и встречаются в договорах, но не являются для них типичными):

Время	Перечни должностных лиц, социальных слоев и политических институтов Новгорода
Конец XII—начало XIV в. I тип	Князь, посадник, тысяцкий, вече
Вторая четверть XIV—начало XV в. II тип:	
вариант А	Архиепископ, (наместник великого князя), посадник, тысяцкий, старосты купеческие, купцы, вече
вариант Б	[Князь], архиепископ, посадник, тысяцкий, вече
Конец первой четверти—60-е годы XV в. III тип:	
вариант А	Архиепископ, посадник, старые посадники, тысяцкий, старые тысяцкие, бояре, старосты купеческие, дети купеческие, кушцы, вече
вариант Б	Архиепископ, [князь], посадник, старые посадники, тысяцкий, старые тысяцкие, вече

Первый тип перечня должностных лиц и политических институтов Новгорода, характерный для конца XII—начала XIV в.,

учреждение Совета господ. Аналогичным образом характеризуется политический строй Новгорода и в «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» (первая серия, т. II, М., 1966, с. 22, 119—120).

²⁷ В. Л. Янин. Новгородские посадники, с. 72.

начинается с князя, на втором месте стоит посадник, на третьем — тысяцкий, на четвертом — «все новгородци» или «весь Новгород», т. е. повгородское вече. Князь в новгородско-немецких договорах конца XII—начала XIV в. выступает, таким образом, как первое лицо Новгорода.

Напомним, что для начальных статей договоров этого периода характерна формула: «Се яз князь... сгадав... с посадником... и с тысяцким... и с всеми новгородци, подтвердохом (или «подтвердил») мира».²⁸ Средняя часть формулы — «сгадав... с посадником... и с тысяцким... и с всеми повгородци», — подчеркивающая, что князь заключает договор по согласованию с посадником, тысяцким и вечем, свидетельствует об ограниченности княжеской власти республиканскими институтами Новгорода. Но начальная и конечная части формулы — «се яз князь... подтвердохом (или «подтвердил», как в немецком тексте проекта договора 1269 г.²⁹) мира» — говорят о значительном удельном весе княжеской власти, ибо князь выступает здесь как главное действующее лицо с новгородской стороны при заключении договора.

Сделанные нами наблюдения противоречат точке зрения В. Д. Грекова о полном торжестве в Новгороде XII—XIII вв. республиканских порядков и о мизерной роли уже в этот период княжеской власти. Но зато они как нельзя лучше согласуются с выводами В. Л. Янина о том, что «в XII—XIII вв. Новгород не был аристократической республикой в полном смысле слова, однако он не был и монархией». Для Новгорода того времени было характерно «двоевластие республики и князя».³⁰ Рубежом, отделяющим этот этап в истории Новгородской республики от последующего, В. Л. Янин считает 90-е годы XIII в., когда происходит коренное преобразование республиканских органов и решительное ограничение княжеской власти. Однако в первой четверти XIV в. победа над княжеской властью, по мнению В. Л. Янина, еще не была завершена, и порою великие князья добивались расширения своих прав в Новгороде; последним великим князем, активно подвизавшимся в Новгороде, был Юрий Данилович.³¹ И это положение В. Л. Янина подтверждается нашими наблюдениями, так как перечень «князь, посадник, тысяцкий, весь Новгород» в сочетании с формулой «се яз князь... сгадав... с посадником... и с тысяцким... и с всеми новгородци, подтвердохом мира» встречается не только в договорах XII—XIII вв., но и в договоре Новгорода со Швецией 1323 г., заключенном князем Юрием Даниловичем.³²

²⁸ См. с. 162.

²⁹ ГВНП, № 31, с. 58.

³⁰ В. Л. Янин. Новгородские посадники, с. 99, 175.

³¹ Там же, с. 175, 187.

³² В договоре со Швецией 1323 г. приведенная формула имеет незначительные отличия (см. с. 162).

От только что рассмотренного нами первого типа перечня должностных лиц, социальных слоев и политических институтов Новгорода, встречающегося в новгородско-немецких договорах до XIV в., существенно отличается второй его тип, характерный для следующего столетия — со второй четверти XIV и до начала XV в. В перечне этого типа князь вообще не назван. Правда, в варианте Б второго типа, представленном двумя договорами с Орденом 1420 и 1421 гг., князь упоминается и упоминается на первом месте. Но, как мы уже отмечали, это обстоятельство было обусловлено не особенностями формуляра варианта Б, а конкретной политической ситуацией — пребыванием в Новгороде князя Константина Дмитриевича, брата великого князя. Во всех же остальных случаях в начальном тексте договоров этого периода упоминание князя отсутствует и в перечне на первом месте назван архиепископ. Архиепископ выступает, таким образом, в качестве первого саповника Новгорода.

Вслед за архиепископом в варианте А второго типа перечня, читающегося в торговых договорах, назван наместник великого князя. Упоминание наместника великого князя отражает новый этап во взаимоотношении Новгорода с княжеской властью, когда собственного князя Новгород уже не имел, а признавал лишь верховный суверенитет великого князя. Напомним, что наместник великого князя фигурирует лишь в договорах середины XIV в., затем он исчезает. Упоминание наместника великого князя на втором месте и последующее его исчезновение — показатель прогрессирующего упадка княжеской власти в Новгороде.

В варианте Б (договоры с Орденом) за архиепископом следуют посадник, тысяцкий и вече («весь Новгород») — высшие республиканские институты Новгорода. В варианте А между посадником и тысяцким, с одной стороны, и «всем Новгородом» — с другой, названы дополнительно старосты купеческие и купцы, в то время как в договорах предшествующего периода старосты были названы лишь один раз — в проекте договора Новгорода с немецкими городами 1269 г. Постоянное упоминание старост купеческих и купцов в перечне должностных лиц, социальных слоев и политических институтов Новгорода, характерном для варианта А второго типа, — свидетельство возросшего влияния купечества на внешние сношения Новгорода по торговым делам, что было связано несомненно с расцветом торговли Новгорода в XIV—XV вв. и ростом значения купечества в жизни Новгородской республики.

В целом анализ второго типа перечня должностных лиц, социальных слоев и политических институтов Новгорода свидетельствует об упадке в XIV—начале XV в. княжеской власти в Новгороде и расцвете республиканских институтов.

Третий тип перечня, характерный для новгородско-немецких договоров конца первой четверти—середины XV в., объединяет со вторым типом отсутствие упоминания князя (оно встречается

только в договоре Новгорода с Орденом 1448 г. в силу особенностей политической ситуации, обусловившей заключение договора) и обязательное упоминание (в торговых договорах) представителей купечества. Отмеченные совпадения свидетельствуют об устойчивости Новгородской республики, одержавшей полную победу над княжеской властью в предшествующий период.

Но наряду с указанными совпадениями третий тип перечня имеет существенные отличия от второго типа. Эти отличия касаются как варианта А (торговые договоры), так и третьего типа в целом. Рассмотрим сначала отличия, имеющиеся только в варианте А.

Во-первых, в варианте А третьего типа перечня дается более развернутое упоминание купечества: в варианте А второго типа названы купеческие старосты и куницы, в варианте А третьего типа — дополнительно дети купеческие. Во-вторых, в варианте А третьего типа постоянно называются бояре, тогда как в варианте А второго типа они вообще не упоминаются. Несомненно, развернутое упоминание купечества в варианте А третьего типа — результат продолжающего возрастать влияния купечества на внешнеторговую политику Новгорода, что в свою очередь явилось следствием подъема в XV в. его внешней торговли. Но наряду с возрастающим влиянием купечества на внешнеторговую политику Новгорода последних десятилетий его самостоятельности имело место и усиление влияния боярства, что нашло отражение в упоминании бояр в торговых договорах Новгорода этого периода в качестве социальной силы, участвовавшей в их заключении. Тот факт, что в торговых договорах Новгорода конца первой четверти — середины XV в. постоянно называются бояре, свидетельствует о большой роли, которую новгородское боярство играло в XV в. во всех областях жизни города.

Для интересующего нас вопроса об отражении в новгородско-пемецких договорах эволюции политического строя Новгорода особенно важны отличия, касающиеся третьего типа перечня в целом (как варианта А, так и варианта Б). Эти отличия заключаются в обязательном упоминании в новгородско-пемецких договорах, начиная с договора с ганзейскими городами 1423 г., старых посадников и старых тысяцких, которые в договорах предшествующего периода не названы. С появлением упоминания старых посадников и старых тысяцких перечень высших сановников Новгорода, читающийся в начальном тексте новгородско-пемецких договоров, принял следующий вид: архиепископ, посадник, старые посадники, тысяцкий, старые тысяцкие. Перед нами, таким образом, круг лиц, которые входили в Совет господ — олигархический орган, существовавший в Новгороде в последние века его самостоятельности. Постоянное упоминание лиц, входивших в Совет господ, в третьем типе перечня должностных лиц, социальных слоев и политических институтов Новгорода свидетельствует об усилении роли Совета господ во внешней по-

литке и внешней торговле Новгорода рассматриваемого периода. Отметим, что наши наблюдения, сделанные на основе анализа начального текста новгородско-немецких договоров, совпадают с выводами, к которым В. Л. Янин пришел на основе других материалов, о том, что с 20-х годов XV в. в политической жизни Новгорода выдвигается «на первое место авторитет общепольского органа — Совета господ». Возрастание роли Совета господ явилось, по мнению В. Л. Янина, результатом проведенных в Новгороде в 1416—1423 гг. реформ, увеличивших количество посадников при одновременном сокращении срока степенного посадничества до полугодия, что повлекло за собой подрыв автократического начала боярской власти и усиление коллективного начала в лице Совета господ.³³

Итак, изучение перечня должностных лиц, социальных слоев и политических институтов Новгорода, встречающегося в начальном тексте новгородско-немецких договоров конца XII—середины XV в., позволяет выделить в истории политического строя Новгорода этого периода три этапа: первый — конец XII—XIII в. — «двоевластие республики и князя» (по терминологии В. Л. Янина), когда княжеская власть, хотя и ограниченная республиканскими институтами, сохраняет еще значительные позиции; второй — со второй четверти XIV до начала XV в. — расцвет республиканских порядков; третий — с 20-х годов и до середины XV в. — сосредоточение всей власти в руках Совета господ и окончательное превращение Новгорода в олигархическую республику. Таким образом, анализ начального текста новгородско-немецких договоров подтверждает основное положение В. Л. Янина о длительности процесса становления Новгородской республики и о динамичном характере ее развития.

Д. И. РАСКИН

МИРСКИЕ ЧЕЛОБИТНЫЕ МОНАСТЫРСКИХ КРЕСТЬЯН ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

Крестьянские мирские челобитные — источник, представляющий значительный интерес как документ, исходящий непосредственно от крестьян. Челобитные, жалобы и прошения крестьян привлекали уже внимание историков, использовавших их при изучении классовой борьбы и социально-политических представлений крестьян. Но если крестьянские прошения начала XIX в. исследованы довольно подробно, в том числе и в источниковедческом отношении,¹ то челобитные более раннего периода изу-

³³ В. Л. Янин. Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. II. Новгородские печати XIII—XV вв. М., 1970, с. 132.

¹ Э. С. Павлова. Жалобы помещичьих крестьян первой половины XIX в. как исторический источник. История СССР, 1964, № 6.